

О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы

К. А. Аркаева

*Аппарат Законодательного Собрания города Севастополя
ул. Ленина, 3, 299005, г. Севастополь, Россия. E-mail: law.linguist.expert@gmail.com*

В современной практике нормотворчества одним из значимых, а порой даже обязательных этапов работы над проектом закона является проведение ряда экспертиз. В субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Севастополе – проводятся правовая, антикоррупционная, лингвистическая и юридико-техническая экспертизы. Хотя задачи, стоящие перед экспертами в области права и лингвистами-экспертами, представлены как в методических рекомендациях федеральных государственных органов, так и в научно-прикладном дискурсе, на практике границы этих задач бывают размыты. В настоящей статье исследованы некоторые прикладные вопросы лингвистической экспертизы, на исследуемом материале продемонстрирована взаимосвязь лингвистической экспертизы с иными сферами экспертной и научной деятельности; актуализирована дискуссия о границах компетенции лингвиста-эксперта и задач, стоящих перед субъектами лингвистической экспертизы. На примере правовой нормы Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе» рассмотрен нестандартный случай ошибочности нормы права, порождающей когнитивное искажение при ее интерпретации. В заключении подведены итоги исследования, формулируются некоторые насущные вопросы, внимание к которым могло бы способствовать совершенствованию процесса работы над проектами законов, в частности, в рамках осуществления их лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, законодательный акт, законотворческий дискурс, правовая норма, дефиниция, законодательное определение, коммуникативный акт, когнитивное искажение.

On Cognitive Bias in the Legal Norm Interpretation in Relation to Linguistic Expertise

K. A. Arkaeva

*Central Office of the Sevastopol Legislative Assembly
3 Lenin str., 299005, Sevastopol, Russia. E-mail: law.linguist.expert@gmail.com*

In the modern rule-making process conduction of several types of expertise is one of the significant and sometimes even mandatory stages of work on a draft law. In the subject of the Russian Federation, a city of federal significance – Sevastopol there is legal, anti-corruption, linguistic and legal-technical expertise carried out. Although the tasks assigned to legal experts and linguists are outlined both in the methodological recommendations of federal authorities and in the scientific-applied discourse, in practice the boundaries of these tasks are blurred. This article focuses on some theoretical and applied questions of linguistic expertise, the case study under discussion demonstrates the interrelation of linguistic expertise with other spheres of expertise and academic work; attention is drawn to the discussion on the boundaries of linguist's competence and the tasks assigned to the subjects of linguistic expertise. The case-study of the legal norm of the Law of Sevastopol City 98-ZS, dated 26 Dec. 2014, «On some social support measures for multi-child families in Sevastopol» discusses a non-routine problem of the rule of law structure fault that causes cognitive bias in its interpretation. The conclusion summarizes the results of this research, raising some pressing questions, attention to which could contribute to improving the drafting law process, in particular within linguistic expertise.

Key words: linguistic expertise, legislative act, legislative discourse, legal norm, definitions, legislative definition, communicative act, cognitive bias.

Введение

Научная литература о лингвистической экспертизе представляет широкий спектр исследований ее теоретических и методологических основ. Стоит уточнить, что в научно-прикладном дискурсе лингвистическая экспертиза чаще всего рассматривается как составная часть судебного делопроизводства. В настоящем исследовании мы концентрируемся на понятии лингвистической экспертизы в нормотворческом процессе. В этой области научного дискурса предприняты попытки

уточнить понятие лингвистической экспертизы, описать круг задач лингвиста-эксперта, очертить требования к его профессиональным навыкам, при этом инструментарий лингвистической экспертизы в нормотворческом процессе рассматривается, с одной стороны, обособленно от других видов экспертиз – правовой и юридико-технической (М. В. Батюшкина, Н. В. Белоконов, Н. Д. Голев, Г. В. Макович, Л. Ю. Фомина и другие), с другой стороны – как составной элемент экспертной деятельности, более широкого круга компетенций (Т. В. Кашанина, Ю. К. Краснов, А. А. Новиков, О. С. Носков и другие).

Среди задач, стоящих перед лингвистами-экспертами, принято выделять обнаружение «грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Методические рекомендации 2013: 5] и дачу рекомендаций по их устранению. «В процессе лингвистической экспертизы выявляются недостатки в тексте нормативного правового акта или его проекте, в частности, грамматические, стилистические, логические и иные ошибки, а также даются рекомендации по их устранению» [Альбов 2023: 193–194]. Научные работы, посвященные лингвистической экспертизе нормативных правовых актов (далее – НПА), учебные пособия и иные методические материалы во многом повторяют приведенные положения. Ознакомившись с ними, можно подумать, что лингвистическая экспертиза законопроекта сводится к редакторской правке текста. Однако это большое заблуждение.

Поскольку до сих пор не установлено единой методики осуществления лингвистической экспертизы при работе с проектами законов, что, по мнению многих исследователей, было бы исчерпано принятием соответствующего НПА федерального уровня, практика регионального нормотворчества демонстрирует разные подходы к методологии проведения лингвистической экспертизы. Несмотря на то, что цели и задачи, выдвигаемые перед лингвистом-экспертом, предельно точно описаны [Методические рекомендации 2013] и получили свое расширенное рассмотрение в научно-исследовательском опыте, на практике реальные задачи, с которыми сталкивается лингвист-эксперт, могут выходить за рамки теоретико-методологических рекомендаций.

В настоящей статье рассматривается правовая норма, результат лингвистической экспертизы которой, на наш взгляд, не может быть расценен как корректорская правка, сделанная исключительно в рамках компетенций лингвиста-эксперта. Материалом настоящего исследования служит правовая норма, изложенная в части 1 статьи 2 Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе» (далее – Закон № 98-ЗС) в первоизданной редакции [Закон города Севастополя от 26.12.2014 № 98-ЗС], а также в редакции, принятой Законом города Севастополя от 25 декабря 2018 года № 468-ЗС «О внесении изменения в часть 1 статьи 2 Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе» (далее также – Закон № 468-ЗС) [Закон города Севастополя от 25.12.2018 № 468-ЗС].

Несколько слов о теоретическом минимуме

В региональной практике нормотворчества лингвист-эксперт руководствуется прежде всего методическими рекомендациями по лингвистической экспертизе законопроектов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Методические рекомендации 2013]. В них представлено краткое понятие лингвистической экспертизы в нормотворческом процессе: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Методические рекомендации 2013: 5]. После этого в детальном рассмотрении представлены правила, которыми должны руководствоваться лингвисты-эксперты при работе с законопроектами. С некоторыми из них можно не согласиться, например, одно из правил, сформулированное в разделе «Анализ и оценка предложений», гласит: «Личное местоимение может использоваться в предложении только при условии, что оно заменяет ближайшее к нему предшествующее существительное в форме того же рода и числа, иначе не может быть соблюдено требование определенности и ясности правовой нормы» [Методические рекомендации 2013: 13]. С этой точки зрения в правовой норме проблемной видится конструкция, например, создание зеленых насаждений взамен уничтоженных и их сохранение до полной приживаемости (конструкция, предлагаемая в качестве примера, приведена из проекта закона города Севастополя об охране зеленых насаждений в городе Севастополе, лингвистическая экспертиза которого проводилась в сентябре 2020 года). Однако в приведенном правиле учитывается лишь грамматическая соотношенность личного местоимения со словами, совпадающими с ним в форме рода и числа, но упускается их релятивная семантическая связь. Возвращаясь к нашему примеру, обратите внимание: хотя местоимение «их» грамматически соотносится и с существительным «насаждений», и с субстантивом «уничтоженных», семантика слова «сохранение» не позволяет связать его при помощи местоимения «их» с уничтоженными насаждениями.

В целом в государственных органах, участвующих в нормотворческом процессе, к лингвисту-эксперту предъявляются общие требования по квалификации (наличие высшего образования по направлению «филология»), а также требование к обладанию знанием перечня федеральных законов и иных нормативных правовых актов, касающихся его деятельности. Вследствие этого на практике лингвист-эксперт руководствуется знаниями, приобретенными при получении соответствующего высшего образования, а также указанными выше методическими рекомендациями как чуть ли ни единственным документом, отвечающим специфике деятельности лингвиста-эксперта. Также государственный орган, в котором лингвист-эксперт осуществляет свою деятельность, может принять собственный правовой акт, регламентирующий проведение лингвистической экспертизы. Однако практика показывает, что принятие такого акта вызывает ряд сложностей, особенно с учетом следующего. Выполнение задач, стоящих перед лингвистом-экспертом, порой не может не затронуть область иных экспертиз законопроектов, таких как правовая экспертиза и юридико-техническая. Работа с понятийно-терминологическим аппаратом законопроекта в соотношении с соответствующим понятийно-терминологическим аппаратом законодательства приводит к правке, затрагивающей проблемы правового характера или область антикоррупционной экспертизы.

В целях повышения своей квалификации, совершенствования навыков владения инструментарием, используемым при проведении лингвистической экспертизы проектов законов, лингвисту-эксперту будет уместно ознакомиться с работами А. Н. Баранова, Н. Д. Голева, В. П. Москвина, рядом монографий, выпускаемых под редакцией А. С. Пиголкина, учебными пособиями под редакцией А. А. Шунейко.

Норма права представляет собой особый вид коммуникативного акта, который отличается максимальной степенью регламентированности. Лингвистическая экспертиза проекта НПА, осуществляемая (на нашем личном опыте) наряду с правовой, антикоррупционной и юридико-технической экспертизами, представляется нам наиболее творческим животрепещущим процессом, преследующим цель обеспечить в проекте НПА в целом и в каждой отдельной его норме в частности успех коммуникации. Эксперт, анализирующий будущую норму права, должен делать это с осознанием, что «от качества и совершенства внутренней формы закона зависит и эффективность охраны прав граждан в сфере регулирования возникновения, развития и прекращения общественных отношений» [Салтыков 2014: 17]. Успех коммуникативного акта, заложенного в норме права, зиждется на адекватности лексико-стилистического выражения основной ее мысли, ее правильном лексико-грамматическом и синтаксическом построении, на ее соответствии нормам юридико-технической техники, возможности применения правовой нормы обособлено от других, но в корреляции с ними в пределах объединяющей их структурной единицы высшего уровня или в пределах НПА в целом. Лингвист-эксперт должен обнаружить в представленной ему норме права все факторы, препятствующие достижению успеха коммуникации: ошибки, несоответствия, коллизии, алогичность, возможные проблемные для правоприменения конструкции – и предложить варианты устранения обнаруженного.

Несмотря на то, что в теоретической литературе и методических рекомендациях задачи лингвистической экспертизы НПА определены практически единообразно, на практике лингвист-эксперт часто в своих рекомендациях может затронуть область компетенций иной экспертной деятельности и даже сферу правового мониторинга, например в случае, если анализируемый им проект НПА представляет собой внесение изменений в действующий закон. Наш личный опыт позволяет утверждать, что лингвист-эксперт работает как с самыми тривиальными ошибками орфографического и пунктуационного характера, так и с неочевидными, даже не уловимыми с первого прочтения алогичными конструкциями, скрывающими причину своей некорректности за обилием лексических единиц, из-за чего в сознании читающего закрепляется искаженное толкование написанного. Пример последней в ее поразительной жизнеспособности и будет рассмотрен в настоящей статье.

К исследуемому материалу

В 2014 году 26 декабря в городе Севастополе был принят закон о мерах социальной поддержки многодетных семей [Закон города Севастополя от 26.12.2014 № 98-ЗС]. Для обеспечения полноценного результата нормативно-правового регулирования в Законе № 98-ЗС необходимо было определить, что представляет собой многодетная семья, поскольку толкование этого термина в различных НПА зависит от целеполагания правового регулирования. Так, в 2014 году в Законе № 98-ЗС абзац первый части 1 статьи 2 был изложен в следующей редакции:

«1. Многодетная семья (для целей настоящего Закона) – семья, в которой воспитываются трое и более детей, включая усыновленных (удочеренных), принятых под опеку (попечительство), а также обучающихся по очной форме обучения в образовательной организации (за исключением организации дополнительного образования) до окончания такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет».

Спустя четыре года в 2018 году субъект законодательной инициативы вносит в Законодательное Собрание города Севастополя проект закона, призванный в числе прочего уточнить значение термина «семья» в определении дефиниции, действовавшей в приведенной выше редакции. Впоследствии этот проект был принят в двух чтениях [Закон города Севастополя от 25.12.2018 № 468-ЗС]. После принятия этого закона конструкция в части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС претерпела следующее видоизменение:

«1. Многодетная семья (для целей настоящего Закона) – семья (лица, состоящие в зарегистрированном браке, либо мать или отец, не состоящие в зарегистрированном браке), в которой воспитываются трое и более детей в возрасте до 18 лет, включая усыновленных (удочеренных), принятых под опеку (попечительство), пасынков и (или) падчериц, а также обучающихся по очной форме обучения в образовательной организации (за исключением организации дополнительного образования) до окончания такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет».

Мы видим, что, помимо добавленного уточнения в скобках, также дополнена определительная конструкция «в возрасте до 18 лет» к термину «дети», что в общем-то не имеет функциональной значимости, поскольку установленная пунктом 1 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации (действующая на момент написания настоящей статьи) дефиниция не позволяет называть ребенком лицо, достигшее возраста 18 лет [Семейный кодекс Российской Федерации]. Кроме того, конструкция деепричастного оборота была дополнена еще одним однородным компонентом «пасынков и (или) падчериц», что также не вносит каких-либо существенных изменений с правовой точки зрения, а с лингвистической так вообще допускает логическую ошибку, заключающуюся в применении операции дизъюнкции в предикативной конструкции с деепричастием, выражающем обобщенный, вневременный признак. Последнее заслуживает отдельного научного исследования, однако в настоящей статье особое внимание мы уделим конструкции в скобках «(лица, состоящие в зарегистрированном браке, либо мать или отец, не состоящие в зарегистрированном браке)».

Здесь необходимо сделать небольшое уточнение, для чего такая конструкция была введена в часть 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС, действующую до момента принятия Закона № 468-ЗС. Наша практика работы с текстами НПА, осуществляемой с применением методических рекомендаций по проведению лингвистической экспертизы законопроектов [Методические рекомендации 2013] и с учетом теоретических основ и прикладных вопросов, поднимаемых в научной дискуссии относительно применения понятийно-терминологического аппарата законодательства, позволяет говорить о некоторых закрепившихся в экспертной деятельности принципах применения и толкования терминологических единиц, используемых в законодательстве.

Термин, значение которого определено федеральным законодательством, применяется единственно в этом значении во всех НПА, принимаемых в Российской Федерации. При этом для определенных целей правового регулирования законом субъекта Российской Федерации может быть установлено и иное определение такому термину. Поскольку ни в Законе № 98-ЗС, ни в других законах города Севастополя не установлено определения термина «семья», при толковании части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС мы прибегаем именно к определению, предусмотренному абзацем пятым Федерального закона от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 134-ФЗ): «семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство» [Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ]. Это значит, что в Законе № 98-ЗС мы распространяем меры социальной поддержки на семьи, которые состоят, например, из одинокой тети и ее троих племянников. По всей видимости, в недопущение такого толкования разработчиком было предложено уточнить статус лица, не зарегистрированного в браке, по отношению к воспитываемым им детям. Такое уточнение значительно сузило круг лиц, на которых распространяется рассматриваемая правовая норма, поскольку при такой редакции под ее действие не попадают лица, воспитывающие подопечных, пасынков, падчериц, так как формально правовой статус таких лиц не позволяет назвать их матерью или отцом по отношению к таким детям. Итак, дополненная конструкция в скобках наделяет термин «семья» иным толкованием, отличным от установленного Федеральным законом № 134-ФЗ, путем уточнения круга лиц, который следует понимать в качестве денотата к определяемому понятию.

Преследуя цель продемонстрировать суть исследуемого феномена, опустим в рассматриваемой дефинитивной конструкции присловные распространители, не влияющие на представление сути проблемы.

В упрощенном варианте конструкция, действовавшая в Законе № 98-ЗС с 26 декабря 2014 года до принятия Закона № 468-ЗС, выглядела бы следующим образом:

(1) Многодетная семья – семья, в которой воспитываются трое и более детей.

Классическая дефиниция «состоит из двух частей: 1) слова-идентификатора, обозначающего ближайшее родовое понятие; 2) слов-конкретизаторов, противопоставляющих определяемое понятие ближайшему видовому понятию» [Москвин 2015: 25]. Мы видим, что дефинитивная конструкция (1) построена по стандартной модели: термин = общее родовое понятие + определение, уточняющее его отличительные признаки.

С момента вступления в силу Закона № 468-ЗС рассматриваемая дефиниция в упрощенном варианте предстает в следующем изложении:

(2) Многодетная семья – семья (два человека в браке либо один человек не в браке), в которой воспитываются трое и более детей.

Преобразованная дефинитивная конструкция не меняет своего модельного построения, однако включает в себя дополнительное определение общего родового понятия: термин = общее родовое понятие (определение общего родового понятия) + определение, уточняющее его отличительные признаки.

В упрощенной конструкции (2) становится очевидной логическая ошибка в использовании определительных компонентов. Совершенно тривиальный факт – определение должно отражать суть определяемого через основные составляющие его компоненты или его основные характеристики. Предмет, не отвечающий параметрам, заданным в определении, соответственно, не может быть его определяемым: треугольник называется так потому, что у него всего три угла, фигура с четырьмя углами не может называться треугольником.

Определение в конструкции (1), выраженное придаточным определительным, описывает термин «многодетная семья» по параметру количества воспитывающихся в семье детей, что позволит каждую отдельную семью идентифицировать по Закону № 98-ЗС как (не)многодетную. При этом (мы упоминали выше) в конструкции (1) под термином «семья» понимается определение, установленное Федеральным законом № 134-ФЗ, то есть имеется в виду неограниченный перечень лиц, связанных родством и (или) свойством, ведущих совместное хозяйство. При таком толковании определения термина «семья» придаточное определительное совершенно органично существует в дефинитивной конструкции, поскольку оно задает минимальный параметр для неограниченного спектра.

Однако в конструкции (2) дополнительное пояснение значения термина «семья» нарушает логико-смысловую соотносительность придаточного определения и определяемого компонента. «Скобки» сузили толкование термина «семья» до двух лиц в браке либо одного не в браке. При этом придаточное определительное все еще характеризует термин «семья» по признаку количества воспитываемых в ней детей. Однако исходя из пояснения в скобках, которое определяет значение термина «семья», в семье – по определению – никаких детей нет.

При проведении лингвистической экспертизы было обнаружено, что в оригинальном варианте конструкции (2), действовавшей в Законе № 98-ЗС с 25 декабря 2018 года, логико-смысловое противоречие оказывается едва заметным. По нашему мнению, влияющими на это факторами выступает перегруженность правовой нормы лексическими единицами, а также влияние «когнитивной базы» [Маслова 2004: 32] читающего, из-за которой на восприятие конструкции (2) проецируется эмпирический опыт, отвлеченный от сухой последовательности лексических единиц и их пунктуационного оформления. Парадоксально, что при рабочем обсуждении абзаца первой части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС интерпретация определительной части дефинитивной конструкции, то есть выражения, расположенного непосредственно после знака тире, базировалась не на лексико-грамматической организации предложения и функциональной роли средств пунктуации в норме права, а на попытке усмотреть в ней свое собственное представление об определяемом объекте внеязыковой действительности.

Такой эффект очень напоминает явление, исследуемое в психологической науке, которое относится к видам когнитивного искажения и получило название «прайминг», то есть процесс активации и актуализации уже существовавшей установки, которая может привести к искаженной интерпретации воспринимаемой ситуации [Большой психологический словарь: URL]. В качестве попытки оправдать алогичность конструкции (2) приводились аргументы, демонстрирующие эффект предвзятости подтверждения, вроде «мы же знаем, что семья потенциально может состоять не только из двух лиц, но также включать в

себя и детей». Проблема в том, что это наше знание происходит не из построения предложения в правовой норме, а из нашего субъективного представления о том, как устроен окружающий нас мир. Границы функционально-смыслового построения исследуемой правовой нормы по неизвестной причине отождествляются с необъятным набором ассоциаций, присущих лексическому содержанию используемых в ней языковых единиц. Правовая норма в итоге получает интерпретацию на основании личного опыта, который накладывается на неудачное синтаксическое построение предложения, что препятствует адекватному восприятию написанного. Следовательно, норма права не достигает своей конечной коммуникативной цели, а значит, коммуникативный акт не может увенчаться успехом. Толкование нормы права должно исходить из ее лексического наполнения и структурного построения, а не из тех ассоциаций и фоновых знаний, которые возникают у правоприменителя при взгляде на определенный набор слов.

Однако часть 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС в лексико-грамматическом и синтаксическом варианте, представленном в конструкции (2), просуществовала целых четыре года и действовала на момент написания настоящего исследования, отлично служила основанием для реализации регулируемых Законом № 98-ЗС правоотношений и ни у кого за это время не вызвала ни вопроса, ни сомнения (по крайней мере, официально направленных в Законодательное Собрание города Севастополя). Обнаруженная логико-смысловая ошибка в построении дефиниции в общем и целом не могла бы стать препятствием в применении правовых норм других законов города Севастополя, поскольку значение термина «многодетная семья» распространяется исключительно на положения Закона № 98-ЗС, о чем свидетельствует указание «для целей настоящего Закона». В свою очередь должностные лица и уполномоченные органы, действуя в рамках Закона № 98-ЗС, вряд ли будут озадачены таким глубоким исследованием, а для реализации регулируемых им правоотношений будут опираться, скорее, на всю дефинитивную конструкцию в целом, то есть смотреть на то, что такое «многодетная семья», а не просто «семья», – что в общем-то разумно с точки зрения затрат когнитивных ресурсов в процессе правоприменения.

Исследуемая конструкция является великолепным примером того, как органично живет логико-смысловая ошибка в тексте регламентирующего характера, применение которого имеет строго определенные цели, к структуре которого предъявляются высокие требования к точности, ясности и логичности. Мы столкнулись с ситуацией, когда перед глазами правоприменителя – текст строгой регламентирующей направленности, а за его глазами – удивительная нейронная система, наделяющая читателя богатым личным опытом и социально обусловленным взглядом на внеязыковую действительность. В бытовом прочтении правовой нормы, отвлеченном от понимания принципов функционирования ее структурных составляющих, пояснение в скобках идентифицируется в качестве не определения термина «семья», а уточнения субъектов правоприменения. Из-за наложения эмпирического опыта и сформировавшихся фоновых знаний интерпретация правовой нормы в конструкции (2) неожиданно опирается не на лексико-грамматическую и синтаксическую организацию нормы права, а на субъективные представления об определяемом феномене вне лингвистической конструкции. Мы в силу личностных когнитивных способностей в той или иной степени понимаем, как устроен этот мир, но незаметно для себя проецируем это наше понимание на восприятие вещей, сущность которых не зависит от чьих-то субъективных убеждений.

Кроме того, интересно поразмышлять, был ли вообще смысл в указании регистрации брака при описании лиц, входящих в состав семьи. Напомним, что термин «семья», установленный Федеральным законом № 134-ФЗ, имеет такое определение, под которое подпадают оба референта, указанные в скобочной конструкции. Смоделируем ситуацию, в которой в семье имеются оба родителя, не зарегистрированные в совместном браке. Могут ли такие родители, воспитывающие троих детей, претендовать на статус многодетной семьи? Доктринальные знания из практики правоприменения позволяют утверждать, что ответ будет положительным, поскольку для присвоения статуса многодетной семьи определяющим фактором является количество воспитываемых в семье детей. Признак

наличия зарегистрированного брака у лица, воспитывающего троих детей, в применяемой разработчиком скобочной конструкции варьируется, значит, не является обязательным. Подобные лексические единицы в норме права относятся к избыточным.

Важно обратить внимание и на то, что в определении, данном Федеральным законом № 134-ФЗ, указан признак совместного проживания лиц. Скобочная конструкция, добавленная разработчиком Закона № 468-ЗС, уточняет значение термина «семья», отделяя его от значения, установленного Федеральным законом № 134-ФЗ. Следовательно, из определения термина «многодетная семья» выпадает признак совместного проживания и ведения совместного хозяйства, возникает ситуация, при которой граждане могут претендовать на получение статуса многодетной семьи, формально не проживая со своими детьми. Кроме того, термины, обозначающие лиц, не состоящих в браке, конкретизируются до «матери» и «отца», чем резко ограничивается круг лиц, подпадающих под действие данной правовой нормы, поскольку опекуны формально не приходятся детям, взятым под опеку, матерью или отцом. При этом норма по-прежнему распространяет свое действие на дедушек и бабушек, тетю и дядю, поскольку конструкция «лица, состоящие в зарегистрированном браке» не позволяет давать ей интерпретацию «исключительно родители ребенка».

К проекту закона прилагается пакет документов, включающий сопроводительное письмо, пояснительную записку к законопроекту, его финансово-экономическое обоснование, а также перечень нормативных правовых актов, подлежащих принятию, изменению или признанию утратившими силу в случае принятия вносимого законопроекта. В пояснительной записке к законопроекту, который впоследствии был принят Законом № 468-ЗС, разработчик указал, что вносимые изменения (дополнение пояснения в скобках) необходимы для целей распространения действия нормы права на родителей-одиночек. Однако такие родители и в редакции (1) не были исключены из поля действия правовой нормы, изложенной в абзаце первом части 1 статьи 2 Закона № 98-ЗС, поскольку они подпадают под установленное Федеральным законом № 134-ФЗ определение термина «семья». Остается вопрос, неужели субъект законодательной инициативы, внесший в 2018 году изменения в Закон № 98-ЗС и приводивший вышеизложенный аргумент, не знал о том, что определение термина «семья» действует для нормативных правовых актов в Российской Федерации с 1997 года? Интересно, что необходимость внесения таких изменений разработчик в пояснительной записке к законопроекту аргументировал именно тем, что их

требует применение правовой нормы на практике. Обращаем внимание, что термин «семья» в значении, определенном Федеральным законом № 134-ФЗ, входит в Словарь терминов, применяемых в законодательстве Российской Федерации, утвержденный Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в 2014 году, а в структурную единицу Федерального закона № 134-ФЗ, которой закрепляется данное определение, не вносилось никаких изменений с момента принятия этого федерального закона.

Заключение

Таким образом, хотя с формальной точки зрения представленный опыт экспертной практики наглядно демонстрирует вариант логико-смыслового нарушения построения правовой нормы, что входит в рамки компетенций лингвиста-эксперта, выявление описанного и финальный результат работы над правовой нормой выходят за рамки предписываемых лингвистической экспертизе задач. По нашему мнению, в объективистском представлении описанное является строго структурным нарушением логической связи элементов внутри предложения, однако при детальном изучении сути проблемы становится очевидной связь описанного явления с областью когнитивных наук. Наше исследование наглядно продемонстрировало, что для качественной экспертизы проекта закона одним из ее этапов должно быть предварительное бытийное толкование финальной редакции нормы права, при котором как раз необходимо предусмотреть возможные когнитивные препятствия в ее толковании и применении. Как известно, «открытие начинается с аномалии» [Кун 2003: 91], однако для обнаружения такой аномалии и дачи рекомендации по ее устранению лингвист-эксперт зачастую задействует не только знания, входящие в область его компетенции, но и знания, относящиеся к области правовой науки, правового мониторинга.

Проведенное исследование позволяет озадачиться вопросом о необходимости совершенствования экспертной деятельности в нормотворческом процессе в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, распространения практики применения методических материалов, регламентирующих, в частности, использование установленного федеральным законодательством и законодательством соответствующего субъекта Российской Федерации понятийно-терминологического аппарата. Кроме того, учитывая, что при разработке нормы права не менее значимой оказывается интенция разработчика, его аутентичный взгляд на проблему, возникающую в процессе правоприменения, на повестку дня ставится вопрос о совершенствовании взаимодействия субъектов проведения экспертизы проектов НПА и субъектов законодательной инициативы, вносящих такие проекты.

Литература

- Альбов А. П., Горохова С. С., Гуков А. С., Николюкин С. В., Терениченко А. А., Фатхутдинова А. М., и др. Правотворчество: учебное пособие для вузов. М., 2023. URL: <https://urait.ru/bcode/511697>.
- Большой психологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict.
- Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М., 2003.
- Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.
- Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М., 2013.
- Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М., 2015.
- О внесении изменения в часть 1 статьи 2 Закона города Севастополя от 26 декабря 2014 года № 98-ЗС «О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе»: закон города Севастополя от 25 декабря 2018 г. № 468-ЗС. Принят Законодательным Собранием города Севастополя 18 декабря 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ (ред. 05.12.2022). Принят Государственной Думой 10 октября 1997 г. Одобрен Советом Федерации 15 октября 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О социальной поддержке многодетных семей в городе Севастополе: закон города Севастополя от 26 декабря 2014 г. № 98-ЗС. Принят Законодательным Собранием города Севастополя 19 декабря 2014 г. / Севастопольские известия. - 2014. - 27 декабря.
- Салтыков К. Г., Коваленко Е. А., Дульцев М. В. Формирование правоинтерпретационной традиции в отечественной правовой науке (терминологический аспект) / Юрист-правовед. - 2014. - № 3 (64). - С. 16-19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravointerpretatsionnoy-traditsii-v-otechestvennoy-pravovoy-nauke-terminologicheskii-aspekt>.
- Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.01.2023). Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

- Al'bov, A. P., Gorokhova, S. S., Gukov, A. S., Nikolyukin, S. V., Terenichenko, A. A., Fatkhutdinova, A. M. et al (2023). Law-making: training manual for university. Moscow. Available from: <https://urait.ru/bcode/511697> (in Russian).
- Amendment of article 2, part 1, of the Law of Sevastopol City 98-ЗС, dated 26 Dec. 2014, «On some social support measures for multi-child families in Sevastopol». Law of Sevastopol City 468-ЗС, dated 25 Dec. Adopted by the Sevastopol Legislative Assembly, 18 December 2018. (Available from: ConsultantPlus) (in Russian).
- Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. Available from: https://gufo.me/dict/psychologie_dict (in Russian).

Family Codex of the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation 223-ФЗ, dated 29 Dec. 1995, (edition 02.01.2023). Adopted by the State Duma, 8 December 1995. (Available from: ConsultantPlus) (in Russian).

Kuhn, T. (1977). *The Structure of Scientific Revolutions*, trans. by I.Z. Naletov. Moscow (in Russian).

Maslova, V. A. (2004). *Introduction to cognitive linguistics*. Moscow (in Russian).

Methodological recommendations on the linguistic expertise of draft law (2013). Moscow (in Russian).

Moskvin, V. P. (2015). *Methods and techniques of linguistic analysis*. Moscow (in Russian).

On some social support measures for multi-child families in Sevastopol. Law of Sevastopol City 98-3С, dated 26 Dec. Adopted by the Sevastopol Legislative Assembly, 19 December 2014. Sevastopol'skie izvestiya, 27 December 2014 (in Russian).

On the minimum subsistence level in the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation 134-ФЗ, dated 24 Oct. 1997, (edition 05.12.2022). Adopted by the State Duma, 10 October 1997. Approved by the Federation Council, 15 October 1997. (Available from: ConsultantPlus) (in Russian).

Saltykov, K. G., Kovalenko, E. A., Dultsev, M. V. (2014). Formation of law interpretation tradition in domestic jurisprudence (terminological aspect). *Yurist-pravoved*, 3 (64), 16-19. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravointerpretatsionnoy-traditsii-v-otechestvennoy-pravovoy-nauke-terminologicheskii-aspekt> (in Russian).

Citation:

Аркаева К.А. О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 19-25.

Arkaeva K.A. (2023) On Cognitive Bias in the Legal Norm Interpretation in Relation to Linguistic Expertise. *Legal Linguistics*, 30, 19–25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
